

Лихолѣтъе на Кавказскомъ рубежѣ.

Начавшаяся съ воцареніемъ перваго самозванца кровавая смута на Руси не ограничилась предѣлами только центральныхъ и ближайшихъ къ Москвѣ областей, но проникла и въ отдаленные рубежи: въ Астрахань, на Волгу, Яикъ, Терекъ и Кавказъ, гдѣ свили себѣ прочныя гнѣзда вольные сыны степей—казаки.

Въ ту пору послѣдняя область была слишкомъ удалена отъ сердца Россіи обширными и трудно-проходимыми Придонскими и Приволжскими степями, подчиняясь въ духовномъ и военно-административномъ отношеніяхъ не близко расположенной отъ нея Астрахани. Русскихъ поселенцевъ тамъ было мало. Только на устьѣ рѣки Тюменки близъ Каспійскаго моря стоялъ городъ-острогъ Терки, да въ верховьяхъ рѣки Терека противъ устья рѣки Суужи и въ Гребеняхъ разбросалось нѣсколько городковъ и становищъ Терскихъ „вольныхъ“ казаковъ.

Остальные обитатели Кавказа—кабардинцы, черкесы пятигорскіе, кумыки и шамхальцы, постоянно враждовавшіе между собою, хотя и считались подданными русскаго царя, „шертовали“ ему и давали въ г. Терки аманатовъ, но при первомъ удобномъ случаѣ уклонялись то къ шаху Кизылбашскому (Персія), то къ Турціи, то къ хану Крымскому.

Болѣе преданными русскому престолу были кабардинцы и черкесы. Даже когда Лжедимитрій занялъ мономаховъ тронъ, они, увѣренные въ его царственномъ происхожденіи, прислали въ Москву (12 ноября 1605 года) съ поздравленіемъ „о принятіи имъ Россійскаго престола“ особую депутацію, въ составѣ мурзы Петра Сунчалѣевича Янгальчева съ 10 узденями и

нѣсколькими „черкашенинами“ и терскими „новокрещенами“ и Окоцкаго мурзу Батыя Шихмурзина съ 6-ю товарищами. „Цесарь“ обласкалъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, но просямаго ими жалованья по ихъ окладамъ за 1604 годъ ¹⁾ не далъ, наградивъ ихъ только сукнами, камками, шубами и шапками и повелѣвъ послать такое же награжденіе прочимъ кабардинскимъ, черкасскимъ, кумыцкимъ и другимъ тамошнимъ князьямъ и мурзамъ. Они обѣщали ему „служить и прямить, какъ прежнимъ великимъ государямъ, предкамъ его“ ²⁾.

Въ свою очередь, узнавъ о воцареніи самозванца, и шахъ Аббасъ 2 прислалъ къ нему гонца съ своей грамотой, въ которой, называя его „всего крестьянскаго государства великимъ государемъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ“, предлагалъ ему свою „дружбу, любовь и братство“ съ тѣмъ, чтобы „за одно промыслять надъ турецкими людьми“ ³⁾.

Передъ „богоотступникомъ Гришкой“ не согнули свои выи только Терскіе вольные казаки, которые и депутаціи ему не послали и не присягали ему. Напротивъ, находившіеся на „годовой службѣ“ въ г. Теркѣ казаки жилецкіе, не получая давно жалованья денежнаго и хлѣбнаго, рѣшили выставить своего самозванца, Илейку Муромца, подъ именемъ царевича Петра, несуществующаго сына царя Ѳедора Ивановича. Чтобы добыть себѣ „корму“ и отомстить астраханскимъ воеводамъ за притѣсненія и задержку жалованья, въ числѣ 300 человекъ, подъ начальствомъ атамана Бодырина, пустились они на легкихъ стругахъ по Хвалынскому морю къ устьямъ широкой Волги.

Совершивъ погромъ татарской столицы и усилившись астраханскими и волжскими казаками, терцы потянули вверхъ по великой рѣкѣ къ Казани, все разрушая на своемъ пути. Къ нимъ со всѣхъ сторонъ текли воры и „гулящіе люди“, чтобы поживиться чужимъ добромъ. Къ концу похода набралось до 4 тыс. человекъ разношерстныхъ воякъ.

¹⁾ Янгалычеву 40 руб., узденямъ по пяти, Батыю 15-ть, окоцкимъ людямъ по пяти, а черкашенику и новокрещенамъ по шести рублей.

²⁾ Москов. архивъ иностр. дѣлъ. Кабардинск. сношенія, корт. 1, № 1.

³⁾ Тамъ же, Персидскія дѣла кор. 3.—Въ указанномъ архивѣ сохранилось шесть грамотъ, полученныхъ отъ Персидскаго шаха въ смутный періодъ. Двѣ изъ нихъ адресованы „Государю Дмитрію Ивановичу“, остальные „Всероссійскому государству повелителю и Великому князю бѣлому царю“ (безъ имени).

Несдерживаемые ничѣмъ, достигли казаки Свіяжска, но здѣсь получили извѣстіе, что разстрига убитъ на Москвѣ. Тогда они повернули на низъ и, переваливши у Камышинки на Донъ, зазимовали тамъ. А весной 1607 года, соединившись съ донцами, по приглашенію кн. Шаховского, двинулись на Путивль къ Тулѣ.

Въ это время отдаленный Кавказъ не оставался спокойнымъ зрителемъ совершавшихся на Руси событій. Избраніе на царство ненавистнаго для всей Россіи Василя Ивановича Шуйскаго вызвало и тамъ волненіе. Правда, черкасскій мурза Сунчалей Янгалычевъ съ окоцкими мурзами и узденями также ѣздилъ въ Москву на поклонъ къ новому царю, чтобы заявить ему о своей вѣрности, но, получивъ отъ скупого государя „малое“ награжденіе, по возвращеніи на Терекъ перемѣнилъ свои мысли.

Какъ говорить въ разспросныхъ рѣчахъ казанецъ, сынъ боярскій, Иванъ Хохловъ¹⁾, астраханцы и терцы никакъ не соглашались „цѣловать креста“ царю Василю, несмотря на уговоры сего послѣдняго и брата его стрѣлецкаго головы Василя Хохлова. И не только находившіеся въ г. Теркѣ казаки, стрѣльцы и горскіе служилые люди, но даже дворяне и дѣти боярскіе противились тому, схватили обоихъ братьевъ „подговорщиковъ“, „били ихъ на смерть и, ограбя донага, посадили въ тюрьму“, гдѣ они „мучили животъ свой полтора года“. Потомъ „развели ихъ розно“; Василя оставили на Терекѣ, а Ивана Хохлова отправили въ Астрахань „за приставы“, гдѣ онъ „животъ свой мучилъ же и хотѣли убить его до смерти“.

Къ сожалѣнію, архивные документы не указываютъ, кто руководилъ волненіемъ на Терекѣ и кто настраивалъ тамошнихъ казаковъ и служилыхъ людей противъ новаго царя. Возможно, что тутъ были замѣшаны высшіе чины—бояре, окольничьи, стольники. По крайней мѣрѣ въ Астрахани возбудилъ къ возстанію гарнизонъ самъ воевода князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ. Даже тогда, когда нѣкоторые изъ астраханцевъ и терцевъ, раскаявшись въ своихъ поступкахъ, принесли повинную и вступили въ отрядъ правительственныхъ войскъ, подъ начальствомъ Федора Ивановича Шереметева, онъ не переставалъ „мутить“ окружныхъ жителей. Въ своей грамотѣ, писанной въ 1608 году, онъ требовалъ отъ Ногайскаго князя

¹⁾ Моск. арх. иност. д. Персидск. дѣло, кор. 4, № 2.

Иптерека шертовать второму самозванцу, называя Шереметева измѣнникомъ ¹⁾).

Посылалъ ли астраханскій воевода такія же письма къ другимъ обитателямъ края,—о томъ не дошли до насъ свѣдѣнія. Но едва-ли, враждебно настроенный противъ Шуйскаго, утерпѣлъ онъ склонить на сторону мятежника вольныхъ казаковъ Волжскихъ, Терскихъ и Яицкихъ. Первые съ самаго начала появленія своего на Волгѣ промышляли грабежомъ торговыхъ судовъ и воровскими набѣгами на заволжскихъ ногаевъ орды князя Уруса. Часть ихъ также отправилась съ Илейкой на Тулу, но и оставшіеся на мѣстахъ не прочь были присоединиться къ мятежникамъ, въ страхъ держа сосѣднія русскія поселенія и преградивъ всѣ пути въ Персію и на Кавказъ. Впослѣдствіи съ помощію ихъ Ивашка Заруцкій завладѣлъ Астраханью и возбудилъ къ возстанію ногайскія и татарскія орды. Но Яицкіе казаки, обезсиленные незадолго передъ тѣмъ совершеннымъ на Хиву неудачнымъ походомъ, не могли откликнуться на призывъ князя Хворостинина, чтобы принять участіе въ происходившихъ на Руси смутахъ. Еще того менѣе астраханскій воевода могъ разсчитывать на сочувствіе къ своимъ замысламъ Терскихъ вольныхъ казаковъ, затерявшихся своими становищами въ дебряхъ Кавказа. Тамъ остался болѣе спокойный элементъ, отказавшійся слѣдовать въ ранѣе организованной шайкѣ за самозваннымъ царевичемъ Петромъ. Последніе казаки не изъявили покорности ни самозванцамъ и не присягали царю Василію. Однако стойко защищали пограничныя поселенія отъ вражескихъ набѣговъ и зорко слѣдили за всякими передвиженіями разнородныхъ горскихъ племенъ.

Первыми узнали они о намѣреніяхъ нѣкоторыхъ кабардинскихъ князей передаться на сторону турецкаго султана въ виду того, что шахъ персидскій, слѣдуя подговорамъ своего шурина, Кумыцкаго князя Гирея, хотѣлъ завладѣть ихъ землей и наказать кумыковъ за то, что они отказались дать ему помощь войскомъ противъ царя Грузинскаго.

Жившіе на мѣстахъ терцы наоборотъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами старались прекратить смуту. Они не сдались потомъ и на заманчивыя обѣщанія прибѣжавшаго въ Астрахань Заруцкаго. Напротивъ, передъ масляницей 1614 года они схватили пріѣхавшаго на р. Быструю тюменскаго мурзу Салтангула, который распространялъ среди горцевъ невѣроятныя извѣстія

¹⁾ Собран. Госуд. Грам. и догов. II, №№ 153 и 155.

о дѣйствіяхъ послѣдняго и Маринки. Послѣ того, дней десять спустя, переняли на р. Сухой Бороздѣ другого агитатора, Михалку Чернаго, посланнаго мятежникомъ для возмущенія кабардинцевъ, и представили его въ г. Терки къ воеводѣ Петр. Петр. Головину.

Когда послѣ пытки въ Теркѣ Михалка разсказалъ о враждебныхъ замыслахъ Заруцкаго противъ вновь избраннаго юнаго царя Михаила Ѳеодоровича, собравшіеся тамъ „вольные атаманы и казаки и всѣ прочіе Терскіе служилые и жилецкіе люди тому обрадовались и великому государю крестъ цѣловали тотчасъ, и князей и мурзъ черкасскихъ, которые были на Терекѣ, къ шерти привели, а у иныхъ аманатовъ взяли“. Послѣ того „учиня межъ себя благосоюзный совѣтъ, къ астраханскимъ всякимъ людямъ послали отписку, чтобъ они, помня Бога и души свои и прежнихъ великихъ государей къ себѣ жалованье, отъ такого злого Ивашкина воровства и отъ Маринки отстали и великому государю добили челомъ и вины свои принесли“¹⁾.

Слѣдомъ затѣмъ на шестой недѣлѣ поста воевода Головинъ отправилъ въ Астрахань, подъ начальствомъ стрѣлцаго головы Василія Хохлова, дѣтей боярскихъ, сотниковъ и стрѣльцовъ 200 человекъ и 500 терскихъ вольныхъ казаковъ, которые разгромили шайку Заруцкаго, многихъ воровъ побили, иныхъ въ водѣ утопили и захватили въ плѣнъ тетку Маринки, литовку Варвару Козановскую, слугу ея Ивашку Попруцкаго, да бывшаго при ней литовскаго попа Антона и 160 волжскихъ казаковъ съ атаманомъ Иваномъ Аванасьевымъ²⁾.

Съ немногими ворами на 33 стругахъ бѣжали остальные мятежники въ Каспійское море, откуда кинулись на Яикъ, гдѣ ихъ потомъ переловили всѣхъ казанскіе и самарскіе стрѣльцы, прибывшіе въ Астрахань съ княземъ Одоевскимъ изъ Самары.

За такой подвигъ 21 іюня 1614 года отъ царя Михаила Ѳеодоровича была дана терцамъ похвальная грамота. А мѣсяць спустя отправленъ на Терекъ дворянинъ Дмитрій Погожевъ съ царскимъ милостивымъ жалованнымъ словомъ и „съ золотыми“. Ему было велѣно сказать тамъ:

„И вы бѣ, головы, дворяне, дѣти боярскіе, сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые терскіе люди, видя надъ нами, великимъ государемъ, милость Божію и нашу царскую милость къ себѣ и призрѣніе, какъ есте начали намъ великому

¹⁾ Моск. арх. ин. д. Вязки кабард. кор. 2, № 5.

²⁾ Тамъ же, корд. 2, № 2.

государю служить, такъ бы и содержали—намъ служили и прямили и надъ вормъ Ивашкой Заруцкимъ и надъ Маринкою съ сыномъ промышляли неослабно, сколько вамъ милосердный Богъ подасть; а мы, великій государь, васъ учнемъ жаловать и держать въ призрѣніи свыше прежняго и учнемъ къ вамъ присылать съ нашимъ жалованьемъ съ деньгами и хлѣбнымъ ежегодно безпереводно, *и ту вашу службу учинимъ на вѣки памятку дѣтямъ вашимъ и внучатамъ*¹⁾.

П. Юдинъ.

Тамъ же, кор. 2, № 5.